
Критика и библиография

ВЕРНОСТЬ СЛОВУ И ДЕЛУ

Передо мной три книги стихов Олега Маслова. «Передний край»¹ — последняя — вышла в прошлом году. Это его зримый литературный актив. А вот сколько ходит по земле исцеленных им людей, этого не знает, пожалуй, и сам Маслов-медик, кандидат наук, доцент Благовещенского медицинского института, главный анестезиолог и ренио-матолог области.

Сегодня вряд ли правомерно было бы определять, какая сторона его деяний перевесила. В обоих случаях мы имеем дело с человеком, давно сложившимся.

У каждого над головой —
Своя звезда в небесной стыни,
А у меня — мой крест земной,
Моя бесценная святыня.

Но в том-то и дело, что этот «крест» давно уже не идентичен с красным крестом на борту «скорой помощи». Он перерос в обобщающий символ не только профессиональной принадлежности, но и духовной предназначенности.

Медицина и поэзия. Работа и творчество. У Маслова между этими словами-понятиями нет резкого водораздела, какой-либо границы. Наоборот, их пронизывает единая нить. Хотя, казалось бы, автор нигде не декларирует свою неперемнную принадлежность к поэтическому цеху, а делает упор на реалиях профессии:

Душа светла и жизнь согрета
Отнюдь не жертвенным огнем.
И во врачебной нашей касте
У каждого, кто предан ей,
Живет в душе подвижник-мастер,
Что жив профессией своей.
Стул почини — и то отрада,
Уже недаром прожит век.
А какова ж за труд награда,
Когда — не стул, а человек!

Что и говорить, муза Маслова строга,

¹ О. Маслов. Передний край. Благовещенск, Амурское отделение Хабаров. кн. изд., 1980.

ей не к лицу косметика. Она красива сутью своей, своеобразной осознанной духовностью, хотя иному читателю может показаться, что стиль поэта суховат и рассудочен.

Ведь срок, для дел отпущенный, так мал.
А сделать надо так безмерно много.

Это ощущение быстротечности времени, особенно в рамках человеческой жизни, характерно для многих стихотворений Олега Маслова. Мне даже представляется, что глаголом «сделать» поэт вооружает читателя, помнящего леденящий холодок ахматовского вопроса из «Вереницы четверостиший»: «как нам быть с тем ужасом, который был бегом времени когда-то наречен?» Гуманизм поэта не преследует цели непременно успокоить читателя во что бы то ни стало, но именно вооружить оптимистическим зарядом. К примеру, в стихотворении «Песнь земли» обычная, в общем-то, картина превращений хлебного зерна завершается глубоко философскими, озаренными добрым светом строками:

— Не сетуй, человек,
На жизни быстротечность,
Пусть короток твой век,
Но ведь за веком — вечность,
И жизнь твоя — не миг,
А вечности частица,
К которой ты приник,
Чтоб навсегда с ней слиться.

В этом сознательная авторская позиция: найти в обыденном и устоявшемся выходы к глубоким мыслям, серьезным вопросам бытия. Поэт, повторяем, не утешает, но ободряет. Хотя, как медик, Маслов отлично понимает, что не может быть единого рецепта от всех болезней. И все же... Исцелить человека, его тело — непрекращающаяся задача. А тут речь и вовсе о сложнейшем — о душе.

Врачебный цикл, составивший основу еще первой книги Маслова «Моя профессия», и в новой книге остается стержневым. Есть в нем свой пульс и ритм, открытия и утраты, радости и сомнения. От ликования победы над смертью до горечи расставания с жизнью вверившегося тебе человека — таков огромный диапазон чувствований поэта. Не знаю, завидо-

вать или сочувствовать ему, но поэзия во всяком случае в явном выигрыше. Стихи нам дарят истинные эмоции, подлинные мысли, хотя и не всегда дают ответ нашим сомнениям и предчувствиям. Но, как известно, художественное произведение — вовсе не справочник на все случаи жизни. А вот достигаемая при этом степень сопереживаний поэта и читателя — несомненна и высока. Маслов-медик борется за жизнь пациента, если пользоваться его терминологией, «до последнего патрона». Маслов-поэт, наоборот, далеко не всегда спешит расставить все точки над «и». Быть может, и это опять от главного — от работы, где «в перспективе — ни победы, ни перемирия на срок». От работы, в которой «проще рискнуть собой, хоть в это, впрочем, многие не верят». Ведь не зря же в стихотворении «Хирург» поэт неожиданно избирает совершенно иной строй речи. Привычные армейские наступательные «бой», «сражение», «передовая», «риска расчехленное жерло» и так далее сменяют «целительный меч», «добровольное распятие на хирургическом столе» и «смертный час».

Подобная архаика высокого стиля оправдана и допустима, ибо это святость ремесла, молящегося на одного бога — человека.

Даже в стихотворении «На вызов» лирический герой, мчащийся на помощь неизвестному больному в воскресный день и в человечески-понятном раздражении предполагающий:

Иной с полочки ли, с досады,
Не просыхая, сутки пьет,
А после охает и на дом
Средь ночи «скорую» зовет.
Тот без конца со вкусом курит
И сетует, что грудь болит,
А этот мучается дурью
И всех вокруг себя казнит...

— даже настроенный подобным образом человек меняет свои чувства, как только:

Взошел поспешно на крыльцо
И уловил его дыханье,
И увидал его лицо.
И никого уже дороже
Тебе на свете не сыскать,
И ты уже никак не можешь
Его надежд не оправдать.

Подобная самоотверженность свойственна далеко не каждому. Но она всегда — достояние души поэта, ощущающего все раны мира, как свои. И даже человеческое несовершенство, даже человеческие пороки он ставит в вину прежде всего самому себе.

Сколько уже писалось на тему охраны природы! Обратился к ней в стихотворении «Сеть» и Маслов. Добычливый сосед-браконьер, плетущий сеть, делает и лирического героя как бы соучастником преступления, которое мы не всегда-то и называем подобным словом. «Доверяет!» — горько иронизирует автор и переводит

язык повествования в сугубо образно-чувственный:

И, польщенный доверием этим,
Сам, как сытый и сонный карась,
Я плыву в эти цепкие сети,
В них погрязнуть совсем не боюсь.

Образ сети перерастает, согласно авторской манере, свой первоначальный смысл и возвышается до символа воинствующего добычливого мешанства.

Не случайно в «Переднем крае» не встретишь среди стихов о природе, временах года необязательных акварелек, зарисовок. В них все связано, философски осмысленно, эстетически согласовано. Вот стихотворение «Снег». О чем в нем речь? Закончена операция...

Уже давно ушита рана,
Уже в палате человек...
Спать — поздно, делать что-то — рано,
А за окном — рассветный снег.
Обыкновенный снег...

Белизна снега, его чистота ассоциируются у автора с больничной белизной и стерильностью. Другой поэт поспешил бы удовлетвориться этим сравнением и поставил бы точку, вполне довольный собой и считающий, что выполнил художественную задачу. А для Маслова эта метафора только повод для начала раздумий о предназначении врача, о той чистоте его духовных помыслов, которые он уже не вводит в ассоциативный ряд, но которые мы ощущаем именно такими — свежими, незапятнанными.

Однако, как ни склонен поэт к философской лирике, было бы неверно утверждать мнение о его всепроникающей рассудочности — это не всегда так. Истинно русским песенным настроением пронизаны строчки стихов «Уснула дальняя слободка...», легкая улыбка согревает стихотворение «Помню я, как бабка Агриппина...» и вовсе далеко от назидательности озорное «Лето». С поэтом постоянно память военного детства в «Празднике», когда учитель-украинец, узнав на далеком Амуре об освобождении родного Киева, пустился в пляс:

Все видел, но такого пляса
Я больше в жизни не встречал —
Он так плясал, как будто насмерть
Змею гремучую топтал.

Быть может, поэтому так чуток автор к явным и потаенным болям века. Вот его миниатюра «На Амуре»:

Над рекою грозно
Нависает ночь,
Ни луна, ни звездам
Тьму не превозмочь.
Сколько ж надо света,
Чтоб отбросить прочь
И ненастье это,
И глухую ночь.

Далеко не плакат, но как понятно нам, жителям амурской границы, что тревожит поэта, к чему он призывает.

У каждого настоящего поэта можно вроде бы неожиданно натолкнуться на стихи, в которых заведомо сознательно отброшена почти всякая поэтическая атрибутика, чувства открыты в своем естестве, а умозаключение заведомо риторично. В новой книге тому примером стихотворение «В Освенциме». Автор вспоминает посещение музея чудовищного концлагеря, свои слезы перед горой пинеток и туфель сожженных детей. Ему не дает сделать ни шагу сознание того, что дорожки здесь «устланы... крошками костей». И закипевшая слеза — свидетельство непримиримости к фашизму всех мастей.

И все же, как бы глубоко ни проник поэт в вопросы жизни и смерти, не одним только этим знанием любопытен он нам. Из-под его пера появляются стихи об историческом прошлом Дальнего Востока и его сегодняшнем дне: «На Волочаевской сопке», «Это — будет!» и другие. Столь разные времена объединяет традиция следования героическим деяниям русских людей, желание донести это настроение сегодняшним новоселам, среди которых и разноязыкое племя строителей Байкало-Амурской магистрали.

Сравнивая новую книгу с предыдущими, убеждаешься, что поэт расширяет свой творческий арсенал. По-новому, например, открывает нам его возможности прикосновение к ленинской теме. Здесь уже нельзя опереться только на профессиональный опыт и знания. Тема возвышается над автором, и ее трудность он видит не в подыскивании каких-либо новых ярких эпитетов образу вождя, а в осмыслении фактов его жизни и деятельности.

Внимание Олега Маслова привлекает стыковка советского и американского космических кораблей, встреча ветеранов войны на полевых сборах, проблемы преобразования родного края. Он истово любит природу Дальнего Востока и не устает живописать ее во все времена года. Более того, природа — постоянный герой большинства его стихотворений, независимо от темы.

Художественной манере Олега Маслова свойственны строгость и умеренность в выборе выразительных средств. Налицо тяготение к классической законченности фразы. И, хотя словарь поэта порой и старомоден, происходит это не от бедности выразительных средств, а оттого, что основное в творчестве Маслов видит в самой сути описываемого. Он предпочитает побыстрее проникнуть сквозь звуковую оболочку к самой сердцевине — мысли. И потому торопится, увлекая и нас за собой:

Давай и впрямь спешить творить добро —
И нам, увы, отпущена не вечность.

Когда виски покрыло серебро,
Так ощутима жизни быстротечность.

Высокими образцами человеческого бытия зовет нас вперед автор, знающий цену каждому мгновению жизни, на страже которой он стоит со скальпелем хирурга и пером поэта.

И. ИГНАТЕНКО

□ □ □

БУДНИ ВОЕННЫХ ЛЕТЧИКОВ

В книгу Александра Мишкина «Птицы летают без компаса»¹ вошли две повести. Название первой — «Птицы летают без компаса» — по праву вынесено на обложку. В ней с жизненной достоверностью рассказывается о том, как в нелегких учебных буднях обретают крылья и оберегают воздушные рубежи дальневосточные военные летчики.

Стать летчиком трудно. Тем паче — летчиком военным, летчиком-истребителем. Воздух для истребителя должен быть такой же родной стихией, как для птиц. И даже больше того. Птицы не могут летать в облаках. А воздушный боец должен летать при любой погоде. И не только летать, а еще и выполнять при этом боевые задания.

Лейтенанту Прохорову допуска к полетам в облаках, то есть в сложных метеорологических условиях, почему-то не давали. Чтобы выяснить, в чем причина этого, в часть был командирован летчик-инспектор майор Стрельников. Такова завязка повести.

В жизни бывает так, что человек страстно мечтает о летной профессии, но у него нет для нее данных. И если, следуя своей мечте, он все-таки овладевает техникой пилотирования легкомоторного самолета, то спасует перед сложным и скоростным. А иной, смотришь, уже и довольно солидную машину освоил, но летает, как говорят в авиации, лишь при видимости «миллион на миллион», ибо малейшее ненастье прижимает его к земле.

Словом, не исключалось, что лейтенант Прохоров к полетам в облаках был попросту неспособен. Именно к такой мысли склоняли приезжего инспектора и комэск майор Яшин, и начальник штаба эскадрильи капитан Валиков, и некоторые другие. Однако Стрельников с выводами не спешил. Анализируя удачи и неудачи молодого летчика, вспомнил он и начало своей летной службы. Разве все у него самого шло без сучка и задоринки? Да нет же, конечно, было всякое. Однажды дела сложились так, что и его чуть было не отлучили от неба, как сейчас кое-кто хотел бы поступить с Прохоровым.

¹ А. Мишкин. Птицы летают без компаса. М., Воениздат, 1980.